

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАНИЯ: ПРАКТИКА И ЭТИКА

Левина Елена Юрьевна, frau.levina2010@yandex.ru

*ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», город
Казань, Россия*

Эпоха цифровизации – естественное продолжение всеобщей информатизации, компьютеризации и автоматизации, дополнившая их переходом многих функциональных процессов, в том числе, и процессов принятия решений, исключительно в виртуальную сферу, расширив их возможности через мобильные технологии (Mobile technology), «интернет вещей» (Internet of things), «большие данные» (Big data), «облачные» вычисления (Cloud computing) и социальные сети (Social network) [1].

Переход к цифровому обществу определяется существенными изменениями философских оснований деятельности людей и производства продукции, в особенности интеллектуальной [2]. Информационная и цифровая революции значительно изменили сферы познания, восприятия и деятельности человека. Необходимо выделить основное в цифровой трансформации мира – фундаментальные изменения жизнедеятельности, стереотипов мышления и способов действий во всех сферах экономики – все это породило ключевые знаковые изменения в сфере образования.

Прежде всего, стоит отметить повсеместное создание цифровой среды образовательных организаций, получившее серьезный прорыв в первую волну пандемии коронавируса. Вынужденный переход обусловил уникальный «скачок» всех субъектов образования и обеспечил стирание границ между «цифровыми мигрантами» и «цифровыми аборигенами». Этот опыт глобального педагогического эксперимента выявил множество новых реперных точек современного образования и обязательно будет еще осмыслен и дополнен.

Качество цифровой среды, безусловно, зависело от стартового уровня цифровых компетенций педагогического состава и выделенных ресурсов.

Но уже сейчас можно сказать, что множество переведенных в online процессов там и останется. А режим offline, который теперь большинство обучающихся научились ценить, будет наполнен новыми смыслами, и в большей степени ориентирован на практические навыки, soft-skills и self-skills.

Вторым аспектом можно выделить изменение профессионального мышления и сознания. Однозначно, по итогам анализа многочисленных исследований (например [3-5]), можно говорить как минимум о принятии цифровизации как блага для образования педагогическим сообществом. Осознание, что цифровизация это не только оцифровка ресурсов, но и иная организация рабочего времени, процессов и новые возможности реализации образовательных задач коснулось всех субъектов образования. Как ни парадоксально, разделение педагогов и студентов во время пандемии породило их уникальное сближение и формирование нового типа доверия в педагогическом взаимодействии и субъект-субъектных коммуникациях.

Третьим аспектом можно считать введение анализа цифрового следа как практики управления деятельностью и профессиональной (преподавателей), и учебной (студентов). Ранее цифровые следы как база анализа данных использовались лишь незначительным числом исследователей, например, для поиска закономерностей образовательной деятельности и совершенствования образовательных процессов [6].

Опять же, переход в online не обнаружил никаких других возможностей организации кадрового и педагогического управления кроме как фиксации следа субъектов образования – активности в университетской сети, вплоть до временной интенсивности посещений и их продолжительности. Целью здесь служили и контроль отработки нормированного времени педагога, и контроль отработки занятий студентом.

Активные цифровые следы теперь повсеместно изучаются исследователями с целью мониторинга эффективности деятельности по разным показателям:

эффективность деятельности; эффективность контента; результативность обучения; поиск универсальных треков обучения и многое другое. Подключение к образовательному процессу «цифровых» специалистов дает сейчас и новый толчок доказательной педагогике, которая перестает быть уделом малой части исследователей и превращается, наконец, в новые возможности для педагогического и управленческого состава образовательных организаций [7].

Важно отметить, что любое тотальное внедрение технологий предполагает возникновение дилеммы между ее полезностью и возможным ущербом. В данном случае речь идет о том, что при попытке обеспечить качественную технологизацию процессов управления через сбор и анализ данных, формируются глобальные информационные потоки личностной профессиональной или учебной информации. Например, аналитики МЭШ (Московской электронной школы) на открытом online семинаре приоткрыли результаты своего исследования в части работы педагогов с проектированием и использованием сценариев уроков. Безусловно, ни одна фамилия не была названа, но информация, которая стала открытой (и отмечу, очень полезной для понимания процессов) это не только цифры (как-то 1,7 млн. сценариев уроков над которыми совершенно более 30 млн. действий), но и информация о типологии педагогов, стиле их работы с объектами, способы формирования ими контента (собственное, заимствованное, смешанное и др.).

Действительно, для понимания рассматриваемой деятельности это важно, но в человекообразном аспекте, насколько это правомерно? Где границы между анализом систем действий, необходимой для совершенствования процессов и традиционного «не навреди». Является ли возможным для педагогов заимствование результатов эффективных педагогических практик и их адаптация к собственным условиям?

Однозначно можно сказать только то, что:

а) именно для массового распространения публикуются и лучшие педагогические практики, и пишутся диссертационные исследования по педагогическим наукам;

б) никогда в педагогической практике не будет равноценного внедрения авторских методик. Прежде всего, потому, что всегда разные варианты и обучающихся даже в соседних студенческих группах или классах, и педагогов (как бы не была технологизирована педагогическая методика, педагог всегда вносит что-то от себя), и самих условий реализации процесса, зависящих от множества факторов, часть из которых весьма вариативна. Поэтому важен адаптационный потенциал любой педагогической разработки, и поэтому в диссертационных исследованиях по педагогике (практически в каждом) авторы группируют и прописывают организационно-педагогические условия реализации заявленных новых педагогических инструментов.

В какой-то мере, даже ставшая уже консервативной открытая публикация рейтинга педагогов или студентов, существующая во многих вузах, задевает личностные чувства и подчеркивает личностные особенности – способности, таланты, уровень самостоятельности и нивелирует тот самый соревновательный эффект и «работу» на конкурентоспособность в целом.

Но проблема не только в этом, а в большей степени в том, что в педагогической практике отсутствуют четкие положения цифровой этики, сводя все пока только к защите данных. Однако мы понимаем, что эти меры: во-первых весьма условны и любая информация доказательных исследований может быть вскрыта, и во-вторых, она может навредить тем или иным образом конкретному человеку, напрямую или опосредованно. Оставленный ранее цифровой след может повредить карьере как педагога, так и учащегося, либо не задумывающегося над своими действиями, либо создавшего их непреднамеренно. Один из серьезных педагогических принципов «не навреди» (безусловно, это не только принцип врача, но и

учителя) подвергается, таким образом, сомнению. Отмечаю, что здесь не идет речь о грубых нарушениях авторских прав, плагиате научных публикаций и других подобных действиях, имеющих четкий регламент и тотальные системы проверки.

Также очень часто в последнее время мы забываем о личности учителя, его профессиональной карьере, проблеме выгорания, сосредоточившись исключительно на втором субъекте – ученике. Но ведь второго не может быть без первого, и педагоги не могут работать только в системе постоянно растущих требований к ним. Практически нет и нормативной базы к педагогам высшей школы, даже разработанный ранее профессиональный стандарт отправлен на доработку, и деятельность педагога сейчас регламентируется исключительно внутренними локальными актами образовательных организаций.

Проблема цифровой этики в образовании – серьезнейший вопрос педагогического сообщества и исследователей. Фактически пресловутый эксперимент «машина морали» переносится в педагогическое поле. Необходима консолидация усилий для выработки правил, границ, требований и возможной информационной открытости действий в самое ближайшее время. Понятие универсальной цифровой этики требует регулирования как официального, так и неофициального при широком участии всех представителей педагогического сообщества.

Литература:

1. Левина Е.Ю. Цифровизация условие или эпоха развития системы высшего образования // Казанский педагогический журнал. - 2019. - № 5(136). - С. 8-13.
2. Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы [Электронный ресурс] // Электронный научно-публицистический журнал "Homo Cyberus". - 2019. - № 1(6). - Режим доступа: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019

3. Штырно Д. А., Константинова Л. В., Гагиев Н.Н. «Переход вузов в дистанционный режим в период пандемии: проблемы и возможные риски» // Открытое образование. – 2020. - № 5 (24). – С. 72-81.
4. Мыслякова Ю.Г., Усова Н. В. Цифровая трансформация образовательных услуг вузов в условиях глобальных вызовов: региональный аспект // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. - № 82. С.326-353.
5. Ладъжец Н.С., Неборский Е.В., Богуславский М.В., Наумова Т.А. Социально-образовательные аспекты формальной актуализации теории и практики цифрового университета в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. - №2 (Т.4). – С. 125-131.
6. Левина Е.Ю. Система управления развитием высшего образования на основе информационно-когнитивного подхода: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. – Казань. - 2018. - 414 с.
7. Фруммин И.Д. "Фабрика мыслей" для системы образования // Образовательная политика. – 2012. - №5 (61). – С. 71-77.